
ЕЛЕНА ЛУКАШАНЕЦ

*Минский государственный лингвистический университет,
Беларусь, Минск, elukashanets@rambler.ru*

Диминутивы в русских социолектах

Диминутивные суффиксы как языковое выражение универсальной категории уменьшительности до сих пор служат предметом многочисленных дискуссий в славянском языкознании. Их структура и функционирование в славянских социолектах еще не подвергались изучению. Гипотезой данного исследования, проведенного на материале современного русского криминального аргота, является следующее: специфика процесса номинации в арготе, имеющего своим основным результатом эмоционально-экспрессивное дублирование слов литературного языка, ведет к появлению в лексике аргота большого числа слов с диминутивными суффиксами, которые по своему составу и функциональным свойствам отличаются от диминутивных суффиксов литературного языка.

Diminutive suffixes as the linguistic expression of the universal category of diminutiveness still serve the subject of much debate in Slavic linguistics. Their structure and functioning in Slavic sociolects have not been explored yet. The hypothesis of this research, conducted on the material of modern Russian criminal argot, is the following: the specificity of argot nomination process, the main result of which is emotionally expressive reduplication of literary language words, leads to the appearance of a large number of words with diminutive suffixes in argot vocabulary, which in their composition and functional properties differ from those of literary language.

Ключевые слова: уменьшительность, суффикс, социолект, эмоционально-экспрессивная функция

Key words: diminutivity, suffix, sociolect, emotionally-expressive function

Категория уменьшительности принадлежит к числу одной из языковых универсалий: мыслительная деятельность человека невозможна без сравнения друг с другом предметов окружающего мира, что влечет за собой концептуализацию одних предметов как значительных по размерным характеристикам, других – как нормальных, а третьих – как маленьких. Важным способом выражения уменьшительности в языках с развитой

морфологией, в частности славянских, являются уменьшительно-ласкательные, или диминутивные¹, суффиксы.

Проблема строения, особенностей семантики и функционирования диминутивных суффиксов уже достаточно хорошо изучена в славистике; назовем хотя бы работы по польскому (Kreja 1999: 65–72, 112–121; Sokolowski 2007) и болгарскому (Радева 2007) языкам. В русистике эта тема была предметом постоянных дискуссий, начиная с классических работ В. В. Виноградова, Л. А. Булаховского, Е. М. Галкиной-Федорук, Н. М. Шанского, А. Н. Гвоздева и заканчивая диссертациями, посвященными ей непосредственно (Покуц 1969). Выход в 1970–80-х гг. ряда основополагающих работ по русскому словообразованию Е. А. Земской, И. С. Улуханова, В. В. Лопатина, В. Н. Немченко и др. и в особенности появление знаменитой «Русской грамматики» 1980-го г. (Шведова 1980), казалось бы, подвел черту под многолетними спорами о структуре, семантике и грамматической квалификации диминутивных суффиксов русского языка. Однако в действительности эта тема настолько неисчерпаема, а диминутивные суффиксы – настолько функционально и содержательно сложное явление, что исследования в этой области не перестают появляться вновь и вновь (Крючкова 1991; Резанова 1996; Крамкова 2001; Рассказова 2002; Исакова 2006; Зинин 2008; Дашенко 2009; Воронина 2012).

Все вышесказанное касалось литературного языка (далее – ЛЯ). В то же время в русской социолектологии эта тема продолжает оставаться малоразработанной. В научной литературе по социолектам либо просто перечисляются наиболее продуктивные экспрессивные суффиксы – без анализа их функций в социолектах (Грачев 1997; Земская 2007; Лазаревич 2000; Гойдова 2004; Приходько 2006: 6; Матюшенко 2007: 15), либо, напротив, речь ведется вообще об экспрессивности, коннотациях, эмоциональности социолектной лексики как об ее специфических особенностях. Так, отмечается повышенная эмоционально-экспрессивная насыщенность лексики арго (Лихачев 1935: 64), что является следствием особого характера номинации в субстандарте (Земская 2007) и особой функцией в ней акта деривации – экспрессивного дублирования наименования (Цыбулевская 2005: 16; Лазаревич 2000: 9); выявляются различия эмоции и экспрессии в арго и в ЛЯ (Лихачев 1964: 334), причем подчеркивается однообразие эмоционально-экспрессивной стороны жаргонов и арго (Скворцов 1981: 47).

¹ В работах на русском языке этот термин получает двойное орфографическое оформление: диминутив и деминутив; мы выбираем первое.

Тем самым собственно характеру уменьшительно-ласкательных суффиксов в социолектах уделяется крайне мало внимания. Между тем можно предположить, что свойства деминутивов различны в ЛЯ и социолектах, поскольку социолекты представляют собой особые социальные подсистемы языка и процессы номинации в них носят также специфический характер, по сравнению с процессами номинации в общелитературном языке.

Проблемы, возникающие в связи с категорией деминутивности в социолектах, достаточно многочисленны. Какие суффиксы можно отнести к деминутивным в социолектах? Как они соотносятся с уменьшительными суффиксами ЛЯ? Каковы их функции и особенности семантики в социолектах?

На эти и некоторые другие вопросы мы и постараемся ответить в нашем докладе. Материалом служат существительные современного русского криминального арго; источником для него является база данных, составленная по многочисленным арготическим словарям второй половины XX в. (Лукашанец 2012).

Первый вопрос, который мы поставили, таков: какие именно суффиксы можно отнести к деминутивным в социолекте? Как мы уже отмечали в других работах (Лукашанец 2012: 188), в криминальном арго имеется большое число образований с т. н. модификационными суффиксами. При этом деривации в нем свойственна т. н. двуполусность (Лукашанец 2008: 132): с одной стороны располагаются немногочисленные, но очень продуктивные суффиксы ЛЯ, с другой – очень многочисленные, но непродуктивные или даже единичные собственно арготические суффиксы.

Определение «деминутивного», если можно так выразиться, характера первых, казалось бы, не составляет трудности. Это, например, такие суффиксы, как *-ик*, *-к(а)*, *-ок*, *-чик*, *-ец*. Однако даже и в этом случае возникают проблемы.

Прежде всего, напомним, что арготические словари, как правило, не фиксируют коннотативных значений слов. Ср.: «Проблема метаязыка толкования оказывается особенно значимой при использовании арготических словарей в качестве источника лингвистического исследования. ... часто оказываются деформированными или теряются оценочные, экспрессивные, эмотивные и другие аспекты значения арготизмов, составляющие важнейшую часть его семантики. Остаётся лишь более или менее достоверно очерченная его денотативная часть» (Цыбулевская 2005: 99). Поэтому нередко говорят о десемантизации таких суффиксов. Действительно, если как *бала*, так и *балка* обозначают 'белый хлеб; хлеб' или *бегун*

и *бегунец* – это ‘клоп’, то с точки зрения денотативно-сигнификативного значения семантика этих арготизмов не различается. Однако если сосредоточить внимание именно на коннотациях, на эмоциональной окраске этих слов, картина несколько меняется. Несмотря на лексикографическую трактовку таких арготизмов, носитель русского языка (а значит, и русского арга) не может не ощущать элемента уменьшительности вторых слов в указанных парах. Поэтому далее мы будем с некоторой долей условности предполагать наличие коннотативного элемента значения в подобных образованиях.

Далее, некоторые общелитературные диминутивные суффиксы используются в социолектной деривации в другой функции. Например, суффикс *-ук*, функционирующий в ЛЯ в гипокористических именах (*Сашук*), в арга входит в состав *Nomina agentis*: *коробчить* ‘грабить’ → *коробчук* ‘вор, совершающий мелкие кражи’, *портить* → *порчук* ‘униженный человек’. Диминутивный суффикс *-ун(я)* (*Веруня*) используется в арга для образования названия носителя признака (предметного или процессуального): *игра/играть* → *игруня* ‘любовница; объект внимания’ – или лица женского пола: *штрик* ‘старик’ → *штруня* ‘старая женщина’. Эту последнюю функцию выполняет в арга и суффикс *-очк(а)*: *шкет* ‘мальчик’ → *шкеточка* ‘девочка’ (ср. в ЛЯ *шайбочка*, *Ниночка*). Можно ли говорить о диминутивном характере таких арготических образований? На наш взгляд, вряд ли. По-видимому, здесь мы имеем дело с более ярко выраженной в арга, по сравнению с ЛЯ, омонимией суффиксов. Ведь, как известно, многие диминутивные суффиксы в русском языке имеют свои параллели, полностью совпадающие по форме, но используемые в транспозиционном и мутационном словообразовании, например, по данным «Русской грамматики», суффикс *-чик*, кроме модификационного значения (*субчик*, *рукавчик*), выражает также и значения носителя процессуального признака (*разносчик*), и носителя непроцессуального признака (*зенитчик*), и носителя предметного признака (*добытчик*); суффикс *-ушк(а)* можно встретить не только в модификационном образовании (*матушка*, *зверюшка*), но и в мутационных и даже транспозиционных дериватах (*играть* → *игрушка*, *дурной* → *дурнушка*, *весна* → *веснушка*, *пировать* → *пирушка*). Если мы признаем в принципе явление омонимии аффиксов (а мы, действительно, по многим причинам, которые здесь не будем обсуждать, его признаем), тогда и арготизмы типа *шкеточка* мы исключим из нашего рассмотрения.

Другая возможная трактовка таких образований, как и в ЛЯ, – синкретизм типов словообразования (соединение модификационных и мутационных или модификационных и транспозиционных типов, см. Улуханов

1996: 160; Резанова 1996: 18). Однако такая трактовка возможна не во всех случаях, особенно если считать, что «совмещение значений обычно имеет место ... у слов, являющихся звеном такой неполной деривационной цепочки, в которой имеется пропущенное звено (словообразовательная лакуна), предназначенная для слова, отличающегося от мотивированного слова только модификационным значением» (Улуханов 1996: 161); например, если у слова *шкеточка* можно предположить пропущенное звено *шкетка, то у арготизма *штруня* пропущенного звена быть не может.

Наконец, в социолектах наличествуют еще такие образования, которые с одинаковой долей уверенности можно отнести как к модификационным, диминутивным образованиям, так и к образованиям других типов. Например, в арго имеется слово *ширка* ‘шприц’ и наряду с ним слова, которые могут быть рассмотрены как его мотивирующие: *шира* ‘шприц’ и *ширяться* ‘принимать наркотики внутривенно’. Если мы выводим мотивированное *ширка* от первого, мы должны считать суффикс *-к(а)* диминутивным, если от второго – суффиксом с транспозиционным значением. Учитывая возможность коннотации, эксплицитно не выраженной в толковании слова *ширка* (о чем говорилось выше), обе мотивировки считаем в принципе допустимыми. Однако поскольку суффикс *-к(а)* в русском языке не специализируется исключительно на выражении диминутивности (ср. существительные со значением отвлеченного действия *стирка* (белья), *рубка* (леса), *обрезка* (веток) и т. д.), склоняемся ко второй мотивации: *ширяться* → *ширка*.

Выше речь шла только об используемых в деривации в арго суффиксах, которые по форме совпадают с суффиксами общелитературного языка. Однако, как уже было сказано выше, в социолектах немало и своих, специфически социолектных суффиксов. Эти суффиксы распадаются на две группы.

Первую группу составляют те суффиксы, которые могут быть рассмотрены как модификации, варианты общелитературных суффиксов. Например, суффикс *-ик* имеет варианты *-арик*, *-урик* и *-утик* (*лопух* → *лопухарик* ‘спящий пассажир’, *вася* → *васюрик* ‘человек, не знающий, что имеет дело с ворами’, *милый* ‘контролер’ → *милюттик* ‘контролер’), у суффикса *-ок* есть вариант *-ушок* (*лепила* → *лепушок* ‘врач-хирург’), а у суффикса *-чик* – вариант *-унчик* (*петя* → *петюнчик* ‘милиционер’). Это позволяет предполагать у данных суффиксов значение диминутивности так же, как и у их общелитературных аналогов. Среди них также есть немодификационные суффиксы, что достаточно явно определяется соотношением семантики мотивирующего и мотивированного слов: *лучарик* ‘лысый человек’ выводится от общелитературного *луч*, *драпарик*

‘наркоман’ – от арготического *драп* ‘наркотик’ (при лакуне *лучарь, *драпарь), а *работничек* ‘вор’ – от арготического *работать* ‘воровать’ (при отсутствии *работник), что позволяет говорить и об упомянутом выше совмещении значений (в последнем случае на мотивацию морфологическую накладывается еще и семантическая: ощущается связь с общелитературным диминутивом *работничек*).

Суффиксы другой группы никак не соотносятся по форме с общелитературными формантами, что является объективным препятствием на пути определения их возможной коннотации. Например, мы не можем охарактеризовать оттенок значения, придаваемый арготизму суффиксом *-адей* (*лох* → *лохадей* ‘человек, не принадлежащий к преступной среде’), *-адл(а)* (*сука* → *сукадла* ‘осведомитель’), *-дрос* (*пианино* → *пъендрос* ‘пианино; рояль’) и т.п. Такие случаи не подлежат рассмотрению в настоящем докладе.

Вышеприведенные допущения позволили выделить в социолектах диминутивные суффиксы и, соответственно, диминутивные дериваты. Эти дериваты распадаются в свою очередь на две большие группы в зависимости от того, к какой подсистеме русского языка принадлежит мотивирующее слово: к общелитературному языку (внеарготические дериваты) или данному социолекту (внутриарготические дериваты). Как оказалось, характер мотивированных, и, как следствие, характер диминутивности, в этих группах нередко различается.

Внутрисоциолектные дериваты с уменьшительно-ласкательными суффиксами почти всегда совпадают по своему основному – предметно-понятийному – содержанию со своими мотивирующими, как это было показано выше. Внесоциолектные носят несколько другой характер. В большинстве из них наряду с коннотацией имеется сдвиг в значении, по сравнению с исходным словом ЛЯ, что заставляет считать их семантически контаминированными словами: метафора (чаще всего), метонимия, расширение или сужение значения «тянет» их в сторону семантических дериватов, наличие суффикса – в сторону морфологических. Таковы, например, *брадобрейка* ‘электробритва’ (ср. *брадобрей*) с общностью функции лица и предмета; *парашютка* ‘кепка, сшитая из восьми клиньев’ (метафора: =похожая на парашют), *северик* ‘ИТУ на Крайнем Севере’ с метонимическим переносом пространственного характера, *больничка* ‘больница лагерная крупная; санчасть в ИТУ’ с сужением значения и т.п. Относить такие образования не к семантическим, а к морфологическим дериватам нас заставляют два соображения. Во-первых, по своей форме они очень часто не соотносятся с общелитературными диминутивами: например, с помощью суффикса *-к(а)* социолектизмы образуются от су-

существительных мужского или среднего рода (*бассейн* → *бассейка* ‘баня; плавательный бассейн’, *признание* → *признанка* ‘признание в совершении преступления’), а с помощью суффикса *-ик* – от существительных женского и среднего рода (*дрель* → *дрелик* ‘электродрель’, *ведро* → *ведрик*), в то время как в ЛЯ такое невозможно. Во-вторых, подобные слова все же, как правило, не отмечены в общелитературной речи: поиск по Национальному корпусу русского языка относительно слов, например, *гетерка* (в арго ‘женщина, расторгнувшая брак’), *каламбурка* (‘анекдот; шутка’), *дребеденька* (‘чепуха’), *кавардачка* (‘беспорядок’), *кляпка* (‘кляп’), *амурик* (‘заключенный, осужденный за изнасилование несовершеннолетней’), *сабрик* (‘рыжеволосый еврей’) не дал результатов, что не позволяет отнести *гетерка*, *каламбурка* и др. в ЛЯ даже к потенциальным словам.

Однако в социолектах есть и диминутивы, которые представляют собой семантические дериваты от общелитературных слов с уменьшительно-ласкательным суффиксом – либо имен собственных, либо апеллятивов (нарицательных имен). Среди всех собственных имен общелитературного языка, служащих для обозначения различных явлений в криминальном арго, около 29% – это имена гипокористические: *алёшка* ‘швейцар’, *митек* ‘глупый, недалекий человек’, *спирька* ‘мальчик’, *аннушка* ‘невозможность выполнить задуманное’, *бориски* ‘купюры новые, выпущенные при Б. Н. Ельцине’, *светланка* ‘умывальник’. Наричательных диминутивов, подвергшихся в арго семантическому переосмыслению, несколько меньше: *бананчики* ‘патроны’, *бугорки* ‘район на окраине города’, *вилочка* ‘отмычка для английского замка’, *вошка* ‘несовершеннолетняя воровка’, *жердочка* ‘окно небольшое с тонкой решеткой, которую легко взломать’, *ковишик* ‘сообщник шулера, тасующий карты в определенном порядке’, *мамочка* ‘командир отряда в женской колонии’, *трамвайчик* ‘скамейка’.

Наконец, в некоторых случаях в составе социолектизмов выделяется не полноценный суффикс, а лишь диминутивный субморф – элемент, формально совпадающий с уменьшительно-ласкательным суффиксом, но при этом являющийся частью немотивированного (с морфологической точки зрения) слова. Мы имеем в виду, во-первых, семантические дериваты от немотивированных слов ЛЯ: *бублик* ‘кольцо золотое’, *букашка* ‘несовершеннолетний вор’, *мартышка* ‘проститутка’, *одуванчик* ‘пожилой немощный человек’, *суслик* ‘заключенный из сельской местности, осужденный за совершение кражи’, *фитюлька* ‘доза наркотика’. По-видимому, можно говорить о том, что диминутивный суффикс выделялся в таких словах в диахронии (ср.: *бублик* – и чеш. *boubel* ‘водяной пузырь’, польск. *babel*; *фитюлька* – и тамб. диал. *фитюля* ‘размазня’).

Во-вторых, такой субморф является частью оформления иноязычных по происхождению социолектизмов: *бебики* ‘глаза’ (от тюркского *bäbäk* ‘зрачок’), *драйка* ‘трехрублевая купюра’ (от немецкого *drei* ‘три’).

Наконец, он входит в состав немотивированных социолектизмов, которые не получили ясной этимологии: *ихмарик* ‘бедный, нищий человек’, *маркоташки* ‘женская грудь’, *коричка* ‘кинжал’, *алберка* ‘шприц’, *почунчик* ‘кусочек хлеба’.

Подводя итог рассмотрению суффиксальных мотивированных в социолектах, отметим следующее.

Поле уменьшительности (мы здесь рассматриваем только ту уменьшительность, которая выражена деривационным образом – с помощью суффиксов) формируется в социолектах следующим образом. Центр (ядро) поля составляют уменьшительно-ласкательные образования от самих социолектизмов; близки к ним и образования от слов общелитературного языка с уменьшительными суффиксами, которые рассматриваются нами как морфологические дериваты. Далее отстоят семантические дериваты от уменьшительных слов ЛЯ (с прозрачной мотивировкой в ЛЯ). Наконец, возможно, что в поле уменьшительности можно включить – в виде дальней периферии – и деэтимологизированные диминутивы: как литературного происхождения, так и социолектизмы с квазисуффиксами (субморфами), омонимичными уменьшительным суффиксам русского языка.

Наличие достаточно большого числа диминутивов разного рода в арго объясняется следующим образом. Есть точка зрения, что диминутивы способны выступать в качестве языкового маркера т. н. категории «свойственности/чуждости», являющейся ментальным отражением деления всего сущего на мир «своих» и мир «чужих» (Резанова 1996: 192–197). Однако в криминальном арго эта категория приобретает несколько иной вид, чем это наблюдается в общелитературном языке. Как известно, мировоззрение преступного мира специфично. Противопоставление мира «своих», т. е. лиц, стоящих вне закона, нарушающих закон, всему остальному миру выражено в арго так явно, как ни в одной другой подсистеме языка: «Основным коллективным представлением воров, определяющим их отношение к окружающему, служит представление о борьбе двух миров» (Лихачев 1935: 61). Поэтому, на наш взгляд, «свои» арготические единицы и маркируются с помощью диминутивных суффиксов – маркируются часто, обильно, многообразно и даже с нарушением норм русского языка.

ЛИТЕРАТУРА

Bogusław KREJA, 1999: *Slowotworstwo polskie na tle słowiańskim*. Gdansk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdanskiego.

Jan SOKOŁOWSKI, 2007: Mechanizmy deminucji i hipokoryzacji w języku macedońskim i polskim na tle innych języków słowiańskich. *Prace na XIV Międzynarodowy kongres sławistów w Ochrydzie 2008*. Red. Zofia Rudnik-Karwatowa. Warszawa. 211–218.

Василка РАДЕВА, 2007: *В света на думите: структура и значение на производните думи*. София: Университетско издателство «Св. Климент Охридски».

Валентина ПОКУЦ, 1969: *Уменьшительные суффиксы имен существительных в современном русском литературном языке (Грамматическая, семантическая специфика и словообразовательные возможности)*. Автореферат кандидатской диссертации. Киев.

Наталья ШВЕДОВА (гл. ред.), 1980: *Русская грамматика*. Т. 1. Москва: Наука.

Ольга КРЮЧКОВА, 1991: *Вторичная деминутивно-оценочная деривация: современное состояние и развитие*. Автореферат кандидатской диссертации. Саратов.

Зоя РЕЗАНОВА, 1996: *Функциональный аспект словообразования: русское производное имя*. Томск: Издательство Томского университета.

Ольга КРАМКОВА, 2001: *Функционирование деминутивов в современном русском языке*. Автореферат кандидатской диссертации. Нижний Новгород.

Велина РАССКАЗОВА, 2002: *Признаки уменьшительности в словообразовательной номинации*. Автореферат кандидатской диссертации. Краснодар.

Сандат ИСАКОВА, 2006: *Средства выражения категории деминутивности в английском и русском языках (на материале английской и русской художественной прозы XIX–XX веков)*. Автореферат кандидатской диссертации. Махачкала.

Евгений ЗИНИН, 2008: *Русские деминутивы в общевариологическом аспекте*. Автореферат кандидатской диссертации. Ташкент.

Ольга ДАЩЕНКО, 2009: Существительные с размерным и оценочным значениями. *Біблія і культура* 11, 224–228.

Людмила ВОРОНИНА, 2012: Семантика и прагматика деминутивных суффиксов в русском языке. *Вестник Томского государственного университета* 359, 15–17.

Михаил ГРАЧЕВ, 1997: *Русское арго*. Нижний Новгород: Издательство Нижегородского лингвистического университета.

Елена ЗЕМСКАЯ, 2007: Игровое словообразование. *Язык в движении: к 70-летию Л. П. Крысина*. Отв. ред. Елена Земская, Мария Каленчук. Москва: Языки славянской культуры, 186–193.

Светлана ЛАЗАРЕВИЧ, 2000: *Лексика и фразеология русского военного жаргона (семантико-словообразовательный анализ)*. Автореферат кандидатской диссертации. Нижний Новгород.

Сильвия ГОЙДОВА, 2004: *Молодежный жаргон в системе современного русского национального общенародного языка*. Автореферат кандидатской диссертации. Москва.

Ирина ПРИХОДЬКО, 2006: *Русский молодежный сленг Киева (конец XX – начало XXI вв.)*. Автореферат кандидатской диссертации. Киев.

Елена МАТЮШЕНКО, 2007: *Современный молодежный сленг: формирование и функционирование*. Автореферат кандидатской диссертации. Волгоград.

Дмитрий ЛИХАЧЕВ, 1935: Черты первобытного примитивизма воровской речи. *Язык и мышление* 3–4, 47–100.

Анна ЦЫБУЛЕВСКАЯ, 2005: *Эмотивный арготический лексикон*. Кандидатская диссертация. Ставрополь.

Дмитрий ЛИХАЧЕВ, 1964: Арготические слова профессиональной речи. *Развитие грамматики и лексики современного русского языка*. Ред. Иосиф Мучник, Михаил Панов. Москва: Наука. 311–359.

Лев СКВОРЦОВ, 1981: Опасная болезнь жаргонизации. *О культуре речи*. Ред. Александр Кожин. Москва: Знание. 37–49.

Елена ЛУКАШАНЕЦ, 2008: Нормы современного славянского словообразования и их проявление в литературном языке и социолекте. *Мовознаўства. Літаратуразнаўства. Фалькларыстыка. 14 міжнародны з'езд славістаў, Охрыд, 2008: дакл. беларус. дэлегацыі*. Адк. рэд. Александр Лукашанец. Мінск. 121–136.

Елена ЛУКАШАНЕЦ, 2012: *Словообразование в арго: система способов и типов деривации*. Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing.

Игорь УЛУХАНОВ, 1996: *Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация*. Москва: Институт русского языка РАН.

SUMMARY

Diminutives in Russian Sociolects

The character of diminutive suffixes in modern Russian criminal argot and literary language differs. Diminutive argot suffixes may vary in their structure, representing modifications of diminutive literary suffixes. They can be used in other meanings – mutation, transposition. Their functions depend on the nature of the motivating word: its belonging to argot or literary language. In the first case the suffix is desemantized, only partially retaining its connotation. If an argotic word is formed with the help of a diminutive suffix of the literary language word, semantic reinterpretation is observed within its structure (metaphorical or metonymic transference, specialization or extension of meaning). In argot semantic derivatives, which are motivated by literary diminutive-hypocoristic names, diminutive suffixes which give an argotism emotional connotation can also be singled out. In some types of argotisms (semantic derivatives, unmotivated words) quasisuffixes (submorphs) of diminutive nature can be singled

out. All these argotisms together constitute the field of diminutiveness, the significant size of which is explained by the specificity of argot functioning as the language of a specific social group – the criminal world, the basis of the worldview of which is strict juxtaposition of two worlds – the “us” and “them”, which entails the use of diminutive suffixes as a kind of markers of “us”, though in a specific aspect.